

Материал предоставлен **Центром Генеалогических Исследований**



<http://www.rosgenea.ru>

**Центр
Генеалогических
Исследований**

ОЧЕРКЪ Ж.

СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Соль въ народномъ быту.—Историческія данныя о добываніи соли.—Морянка и Ключевка.—Буза.

Безъ хлѣба не сытно, безъ соли не сладко.

Безъ хлѣба смерть, безъ соли слѣхъ.

Безъ соли и хлѣбъ не ѣтся.

НАРОДНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

„И воду отъ моря черпяху и тако соль варяху, для торжникаль на куплю и взямаху отъ нихъ всяко орудіе на потребу монастырскую“.

ИЗЪ ЖИТІЯ СОЛОВЕЦКИХЪ УГОДНИКОВЪ.



ОМУ изъ насъ не внушали съ дѣтства, что просыпать соль за столомъ—знакъ недобрый: быть въ домѣ и семьѣ худу,—на лучший конецъ ссорѣ? Чтобы устранить ее, суевѣрные старые люди снѣшили посыпать просыпанною солью голову виновника. Кто изъ насъ, сидя за столомъ, готовно рѣшится передать соль сосѣду? Въ нашихъ деревняхъ солонку съ солью и не передаютъ вовсе, въ городахъ и образованныхъ семействахъ велятъ при этомъ улыбаться, или принявшему соль уколоть передающаго булавкой, чтобы потомъ не поссориться. Мы всѣ недовольны, если солонка не поставлена на столъ и непременно требуемъ ее, говоря, что такой столъ кривой, и забытая соль—опять признакъ недобрый. Словомъ, соль въ нравахъ и обычаяхъ нашего народа играетъ огромную роль въ мистическомъ и символическомъ значеніи. У насъ женится ли кто, пріѣхалъ ли изъ дальней дороги на новое мѣсто, справляетъ ли новоселье, для всякаго изъ таковыхъ существуетъ обычай подносить хлѣбъ и соль: хлѣбъ для того, чтобы полно было новое хозяйство избыткомъ и всякимъ изобиліемъ,—соль, чтобы сладка, согласна и безъ ссоръ текла новая жизнь на новомъ мѣстѣ. Хлѣбъ съ солью не бранятся; хлѣбъ и соль и во снѣ хорошо—говоритъ нашъ народъ. Вѣруя въ силу хлѣба, столько же вѣрують и въ свойства соли и хотя вѣра въ ея волшебную силу поколебалась, но еще велика. Напр., ни одна опытная хозяйка, ни одинъ рыбакъ не стануть солить впрокъ припасовъ, зелени, овощей, рыбы и мяса въ полнолуніе, чтобы не испортить ихъ, чтобы они прежде времени не загнили. Съ малыхъ лѣтъ деревенскіе ребята убѣждаются въ томъ, что для поимки всякой птицы, даже такой быстрой, какъ ласточка, достаточно посыпать ей на хвостъ соли: летучая птица дѣлается сидячей. Никогда деревенскіе люди не ма-

каютъ кусковъ въ солоницу, а берутъ изъ нея соль шепотью, сколько для того, чтобы не сорить крошекъ на порчу соли, столько же и въ память евангельскаго событія, засвидѣтельствовавшаго апостоломъ Матѳеемъ. На этомъ же основаніи въ день Тайной вечери, въ Великій четвергъ, повсюду ведется у благочестивыхъ русскихъ людей обычай очищать оскверненную, въ этотъ день Иудою, соль огнемъ. Соль, смѣшанную съ квасной гущей, завертываютъ въ тряпку и сажаютъ въ печь. Когда истлѣетъ тряпица, соль получается сѣватою или черною и получаетъ названіе „четверговой“. Она становится священной; ею солятъ пасхальныя яйца; ею, а въ другихъ мѣстахъ четверговую золу хранятъ подъ нижнимъ краемъ крыши или подъ такъ наз. стрехой и считаютъ ихъ общимъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней, бѣдъ и напастей. Въ Бѣлоруссіи думаютъ даже, что соль способна поглощать въ себя эти болѣзни, и я самъ видѣлъ, какъ бабка лѣчила новорожденного ребенка. Больной кричалъ цѣлыми днями не устанно; по какимъ-то особымъ примѣтамъ на тѣлѣ и личикѣ, дознали, что мальчика „повроцили“ (т.-е. сглазили). Бабка взяла соли, столь рѣдкаго и дорогого бѣлорусскаго продукта, обошла съ нимъ кругомъ больного и потомъ бросила его въ печку, сожгла тамъ большую силу безъ возврата. Въ Архангельской губерніи, между прочимъ, попалось мнѣ дѣло о наказанномъ плетью колдунѣ, который посвящалъ въ свои тайны молодого парня. Когда этотъ перекувырнулся черезъ семь ножей, воткнутыхъ въ землю, когда положилъ подъ пята тѣльный крестъ и сказалъ „отдаю себя въ руки дьявола“, учитель вручилъ ему кусочекъ вара и „щепотку соли“. На соль эту надо было шептать такія слова: „сохни тотъ человѣкъ (кому зла хочешь или на кого это зло заказано), сохни, какъ эта соль сохнуть станетъ. Отступите отъ меня, дьяволи, и приступите къ тому человѣку“. Эту нашептанную соль надо спрятать въ избѣ недруга, либо зарыть эту соль на дорогѣ, по которой нелюбой человѣкъ ходитъ. Соль потомъ надо вынуть и сказать: „поди, дьявольщина, отъ меня прочь“,—и крестъ надѣть.

Въ Архангельской губерніи, по берегу Бѣлаго моря, рядомъ съ этими остатками обычая въ вѣрованій, обшихъ всѣмъ народамъ, а у насъ оставшихся отъ древней языческой вѣры, — въ соли также издревле признаютъ чудодѣйственную силу и въ настоящемъ смыслѣ, т.-е. какъ питательнаго вещества и кухонной приправы. Тамъ говорятъ: „не солоно ѣсть, что съ немилымъ цѣловаться, а присоля—хлебнешь, и посоля—все съѣшь“. „Лишку шей не солятъ, а кому надо, тотъ посолитъ на столѣ: изъ прѣснаго сдѣлаешь солоное, а солонаго не опрѣснить“. И тамъ нѣтъ больше обиды для человѣка, какъ уйти изъ гостей, „не солоно хлебавши“.

Въ то время, когда двинскій край принадлежалъ Новгороду, богатые солеварни были уже въ Неноксѣ и Унѣ. Варницы попеременно принадлежали монастырямъ: архангельскому, корельскому, сійскому и причтамъ нѣкоторыхъ церквей. На основаніи новгородскаго права, одни двиняне и важане могли пріобрѣтать соль изъ первыхъ рукъ. Граматами царей снимались пошлины съ варницъ, принадлежавшихъ монастырямъ. Около 1704 г. соляные промыслы состояли въ вѣдѣніи помѣстнаго приказа. Соль до 1705 г. продавалась солеварами въ частныя руки по 2 алтына и 4 деньги за пудъ, изъ которыхъ 2 деньги поступали въ казну. Соль съ Петра I продавалась изъ казенныхъ магазиновъ цѣною съ 1800 года отъ 22³/₄ до 35 коп. асс. Крѣпость рассола въ обоихъ варницахъ не простиралась свыше 10⁰/₀.

Первое извѣстіе о ненокской соли, по двинскому лѣтописцу, относится къ 1419 году, когда „мурманы“, пришедшіе на корабляхъ, сожгли это селеніе, находящееся въ 4 верстахъ отъ самаго моря. Впослѣдствіи времени, по всему берегу Бѣлаго моря, во многихъ, и даже едва-ли не всѣхъ селеніяхъ поставлены были „чрѣны“ или желѣзныя сковороды для выварки соли изъ морской воды. Теперь ее вывариваютъ только кое-гдѣ между рѣками Кемью и Онегою, въ селеніяхъ Ундѣ, Лудѣ, Красномъ селѣ. Я видѣлъ выварку въ послѣднемъ селѣ той соли, которая расходуется преимущественно въ Архангельской губерніи для приправы пици рыбу солятъ заграничною и отчасти родниковою, называемою тамъ „ключевкою“.

Способъ добыванія „морянки“ столь же древень, какъ и самыя бѣломорскія поселенія, и столь же первобытенъ, какъ и простъ. Въ варницу нагоняютъ морской „разсолъ“, т.-е. воду проведенными трубами въ одни зимніе мѣсяцы. Трубы идутъ подо льдомъ и приводятъ воду въ „тайники“ (резервуары), гдѣ она снова замерзаетъ. Тогда вливаютъ воду въ чрѣны; во всякомъ случаѣ до нихъ разсолу даютъ время отстояться. Въ лѣтнее время не варятъ, потому что, находясь при оглогахъ берегахъ, варницы получаютъ мутную воду отъ перваго, самаго тихаго вѣтра. Каждый „заваръ“ давалъ отъ 20 до 50 пудовъ, особенно если на сильныхъ морозахъ хорошо вымерзнетъ вода, если стоитъ тихое время, если соль варится на сухихъ и самыхъ лучшихъ дровахъ, употребленныхъ въ большомъ количествѣ и если руководитъ дѣломъ опытный солеваръ, а не очередные, какъ създавна ведется. Во всякомъ случаѣ, бѣломорская „морянка“ выходитъ грязноватою на видъ, въ дѣлѣ не споркой и засоль ея рыба долго держать не можетъ.

Къ „чрѣну“—огромному желѣзному ящику, утвержденному на желѣзныхъ же полосахъ снизу и на четырехъ столбахъ по сторонамъ, проканываютъ отъ моря канаву или прокладываютъ деревянныя трубы. Разсолъ наполняетъ чанъ до-верху, огонь доводитъ его до состоянія кипѣнія и испаренія; пѣну и накипѣвшую грязь сбрасываютъ лопатками, а оставшуюся на днѣ массу выгребаютъ и просушиваютъ на воздухѣ. При этомъ на каждый пудъ соли идетъ одна сажень дровъ. Касательно крѣпости морского разсола замѣчаютъ: разсолъ у Красной Горы (гдѣ я видѣлъ варку морянки) на три процента сильнѣе сосѣднихъ варницъ, въ серединѣ моря на 4%, у св. Носа уже на 5%. Весной, у Красной Горы, морская вода бываетъ такъ разжижена двинскою водою, что дѣйствіе варницъ приостанавливаютъ.

Удачнѣе работаютъ тѣ варницы, которыя добываютъ соль изъ соляныхъ колодцевъ, каковыхъ также издавна было довольно по берегамъ Бѣлаго моря, и во внутреннихъ лѣсахъ архангельскаго края. Недалеко отъ того же Краснаго села, въ томъ же Архангельскомъ уѣздѣ работали до 12 колодцевъ, въ посадѣ Неноксѣ, глубиною до 10 сажень и съ тузлукомъ крѣпости отъ 5 до 8 градусовъ, съ расходомъ дровъ на каждыя сутки до 12 сажень. Вывариваютъ „ключевку“ еще на Владыченскихъ промыслахъ въ Онежскомъ уѣздѣ, въ 144 вер. отъ города и въ посадѣ Кулоѣ, въ Пинежскомъ уѣздѣ въ 30 вер. отъ города.

Когда славянскіе люди русскаго имени забрались на сѣверъ для хлѣба и земледѣлія, они въ то же время начали заботиться о соли и принялись за ея обработку. Наиболѣе яркимъ и яснымъ тому доказательствомъ служить Старая Русса, потому что она, несомнѣнно ранѣе Новгорода, сдѣлалась селеніемъ и городомъ именно потому, что указывала на средства къ жизни въ добычѣ соли. Она потому и назвалась „старою“, что сама очень древняго происхожденія, и что основаніе ея теряется во мракѣ вѣковъ. Издревле въ ней были соляныя варницы, отпускавшія соль на потребу новаго населенія въ дремучихъ необитаемыхъ лѣсахъ. Доказательствомъ тому служить между прочимъ и то, что за долгіе годы соль здѣсь выработалась: варницы, затѣвавшіяся въ позднѣйшія времена, уже отказывались служить службу и всякій, принимавшійся за нихъ, прогоралъ: и казна, и частные люди. Теперь Старая Русса пригодна лишь для лѣчебныхъ купаній въ соляныхъ источникахъ или родникахъ. Нѣкогда соляное озерко въ ней, также питавшееся отъ ручьевъ, поддерживало варницы. Глубоко скрытые въ землѣ пласты каменной соли питали ею протекавшую по нимъ подземную воду. Эта вода, насыщавшаяся солью, пробивала рыхлые слои торфяной земли и выходила наружу живыми источниками, которые прозвалъ народъ нашъ родниками и ключами, бьющими изъ земли водяною соленою жилою.

Въ старорусскія варницы получали воду процѣженною сквозь множество пучковъ изъ древесныхъ прутьевъ, настланныхъ рядами на высокихъ сооруженіяхъ, носящихъ названіе „градирь“ или „градирныхъ домовъ“ (о которыхъ будемъ говорить въ своемъ и надлежащемъ мѣстѣ). Соль выходила довольно чистая, но не споркая (не очень солкая) по причинѣ

примѣсей, соединенныхъ съ нею и носящихъ названіе „слыги“. Посоленные ею съѣстные овощи слизли, а рыба получала вкусъ толокна. Несмотря на свою бѣлизну, соль выходила еще очень дорогою и требовала необъятное количество лѣса въ такой странѣ, гдѣ онъ уже давно изведенъ. Старорусскія варницы оставлены, на памяти сторожиловъ, для выварки поваренной соли по тому же образцу, какъ случилось это въ Псковской губерніи, гдѣ посадъ „Сольцы“ сохранилъ только одно имя. Когда оставленъ тамъ соляной промыселъ неизвѣстно, но прекращенъ онъ также несомнѣнно по тѣмъ же причинамъ, какъ брошенъ въ Большихъ Соляхъ (Костр. губ.), въ Солигаличѣ (также), ослабѣлъ въ Балахнѣ (Нижегородской) и вовсе покинутъ въ другихъ селеніяхъ Россіи, гдѣ при нихъ осталось только одно почтенное и древнее имя (Солотча, многія Усолья безъ соли, Усольскій островъ, рѣки Усолки, Соляное озеро, и сверхъ того еще Солозеры и т. д.). Про Большія Соли, столь извѣстныя въ древней русской исторіи и доставлявшія соль подъ названіемъ „нерехотской“, составила поговорка въ народѣ совершенно другого характера, и съ расчетомъ на игру словъ: „въ Соли иду, ничего не несу, отъ Соли иду, полну пазуху несу“. Это—значить, что мѣстная благотворительность настолько щедра, что награждаетъ нищихъ съ достаткомъ. Однако, пазуху сольскіе нагружаютъ теперь не солью, а овощами съ огородовъ, на разведеніе и выдѣлываніе которыхъ обращено тамъ теперь, по примѣру всей этой костролика Волги, самое главное и существенное вниманіе и заботы. Точно также въ Солигаличѣ (уѣздномъ городѣ той же Костромской губ.), въ концѣ 20 годовъ текущаго столѣтія брошены были тѣ самыя соляныя варницы, которыя дали городу имя и снабжали лѣсистый сѣверъ солью съ начала XIV вѣка. Въ 1332 году о нихъ встрѣчается первое упоминаніе въ духовномъ завѣщаніи Ивана Калиты. Соль вывозилась сначала въ значительномъ количествѣ, но потомъ начала изсякать и варницы переходили изъ рукъ въ руки до 1821 года. Въ 1808 году колодцы были засыпаны, а въ 1823 г. вновь расчищены, когда поступили во владѣніе купцовъ Кокоревыхъ. Для полученія болѣе крѣпкаго разсола въ 50 саженьяхъ отъ рѣки Костромы, въ 1832 году приступили къ сверленію артезианскаго колодца, достигшаго 101 сажени глубины. Колодецъ въ слоѣ краснаго песчаника далъ минеральный источникъ, около котораго В. А. Кокоревъ устроилъ заведеніе минеральныхъ водъ въ 1858 году въ большихъ размѣрахъ. Это большое двухъэтажное деревянное зданіе русской народнои архитектуры съ ваннами холодной и горячей воды и съ удобствами для больныхъ, которые получаютъ здѣсь воду, совершенно сходную съ старорусскою и Сергіевскою (воды атермическія, т.-е. холодныя, слабыя углекислыя, содержащія преимущественно хлористый натрій).

Нализалъ-ли дикій олень соляное мѣсто въ первобытномъ лѣсу или указали его людямъ овцы или телята, прибѣгавшіе къ ручью и съ особенною жадностью пившіе изъ него соленую воду, это едва-ли важно по тому обстоятельству, что добыча соли одновременна съ вырубкой подъ пашни скученныхъ сѣверныхъ лѣсовъ. Вываривали ли соль сначала въ горшкахъ, котлахъ, потомъ на сковородкахъ, или прямо сгребали ее готовою въ кристаллахъ съ помощью деревянныхъ лопатокъ, также мало имѣетъ значенія въ виду того историческаго явленія, что первоначальные поселенцы спѣшили искать сами и доискиваться у дикарей соляныхъ источниковъ. Очень также можетъ быть, что опытнымъ въ своемъ дѣлѣ на присутствіе подъ землею и на близость ключа поваренной соли указывали растенія млечника и бархатистаго мха, хотя вѣрнѣе, что жившіе тамъ люди приводили новыхъ пришельцевъ, какъ привели башкиры на каменную Илецкую соль, которую издавна они выламывали, и какъ указали сибирякамъ пирусы на Троицкій родниковый тузлукъ, а киргизы привели на Коряковское самосадочное озеро.

Добыча родниковой соли или ключевки требовала участія капитала или соединенныхъ силъ, а потому и на это дѣло шли, какъ и на выдѣлываніе земли, либо крестьянскія и монастырскія общины, либо богатые деньгами землевладѣльцы. Всякій благонадежный источникъ соли собиралъ около себя селеніе; группы богатыхъ кучей образовали около себя цѣлые

большіе города (Русса, Тотьма, Соли, Галицкая, Вычегодская, Камская и т. д.). Соль является такимъ образомъ на сѣверѣ однимъ изъ средствъ правленія населенія и его обезпеченія. Въ колонизаціонномъ движеніи народа по сѣвернымъ лѣсамъ соль играетъ очень примѣтную роль, въ особенности при участіи монастырей и промышленныхъ людей. Соорудители Соловецкаго монастыря, Зосима и Савватій, на первыхъ же порахъ поселенія своего на необитаемомъ островѣ занялись вываркою соли „морянки“. Въ обезпеченіе Никольскаго карельскаго монастыря новгородская посадница Марѳа Борецкая поспѣшила приписать, вмѣстѣ съ рыбными тонями, и варницы. Монастыри при московскихъ царяхъ, пользуясь правомъ беспошлинной продажи соли, старались развивать этотъ промыселъ и своими монастырскими людьми копать колодцы и вываривать соль подъ наблюденіемъ особыхъ старцевъ. До 1553 года Соловецкій монастырь, по грамотѣ Грознаго имѣвшій право продавать безъ пошлины 8 тыс. пудовъ соли, въ этомъ году получилъ дозволеніе на 10 тысячъ. Вскорѣ монастырь имѣлъ возможность завести по бѣломорскому берегу новыя варницы и выпросить себѣ въ собственность новыя родники ключевой соли. Здѣсь ставилъ онъ дворы, около солянаго раствора котлы или „салги“ и сооружалъ желѣзныя сковороды или чрѣны. Монастырямъ въ особенности счастливо, когда они имѣли возможность наряжать и выселять своихъ людей для подневольнаго и спеціального промысла. Вотъ почему у „солей“ не образовалось „слободы“ съ вольными людьми, а образовались „посады“ съ ремесленными мастерами (Сольцы, Ненокса, Кулой, Городецъ, Большія Соли и т. д.). Счастливо монастырямъ и дарами: Дмитрій Донской далъ московскому Симонову монастырю у Соли Галицкой „колодези соляныя, да варницы, да дворнице дровяно, да дворъ на пріѣздъ старцамъ и слугамъ по своей душѣ на поминокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ“. На волжскомъ Городцѣ было нѣсколько варницъ (балахнинскія), которыя духовною грамотою Владиміра Андреевича 1410 г. отданы были дѣтямъ его Семену и Ярославу. Великій князь Василій Дмитріевичъ отказалъ въ 1423 году своей княгинѣ Нерехту (большесольскія варницы). В. к. Василій Васильевичъ (1425—1428 г.г.) освободилъ отъ пошлинъ 4 варницы у соли Переяславской (теперь не существующія). Около того же времени Симонову монастырю въ Ростовѣ, у „ростовской соли“ (также теперь несуществующей) принадлежала „варница съ чрѣномъ, чернецъ далъ“. Эти промышленные люди, соляные искатели особенно выразились въ типѣ сѣверныхъ богачей, каковы, напр., вологодскіе Строгановы. Изъ нихъ первый, вышедшій изъ Новгорода, Аника, въ лѣсахъ по рѣкѣ Вычегдѣ расчистилъ мѣсто у соляныхъ источниковъ. По примѣру ихъ, выходцы изъ вологодскаго края, посадскіе люди Калашниковы завели варницы на берегу Усолки близъ Камы (Усолъе) и на самой Камѣ такіе же предприимчивые люди новую „Соль“ (Соликамскъ). Когда пріобрѣтена была вскорѣ затѣмъ Сибирь, въ числѣ прочихъ приманокъ богатствами ея оказалась тоже соль. Посадскому человѣку города Устюга Ерофею Хабарову удалось отыскать богатые соляныя ключи даже въ такой дали, какъ устье р. Куты, впадающей въ Лену. Здѣсь будущій покоритель рѣки Амура долгое время занимался солевареніемъ, какъ знакомымъ по роднымъ мѣстамъ и привычнымъ на руку промысломъ.

Сѣверо-востокъ Россіи примѣтно занятъ былъ варничнымъ дѣломъ и снабжалъ солью всю Русь при содѣйствіи Галиціи и гораздо уже позднѣе Крыма. Сереговскія варницы, въ 20 верстахъ отъ Усть-Вымской слободы, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ (Волог. губ.), открыты зырянами, которые сначала довольствовались выступающею на поверхность земли солью. Солеваренный заводъ, построенный здѣсь впоследствии, показалъ насколько богатъ здѣшній разсолъ солью. Чистый, какъ хрусталь, разсолъ такъ-называемаго „дѣдичнаго“ колодца (одного изъ двухъ), находящагося въ двухъ верстахъ отъ г. Тотьмы, вызвалъ въ древнія времена существованіе этого города. Другой тотемскій заводъ, хорошо вѣсьмъ извѣстный Леденгскій или Леденское Усолъе находится при р. Леденгѣ въ 35 верстахъ отъ того же города Тотьмы. Леденгская соль имѣетъ преимущество передъ тотемской, какъ по наибольшей добычѣ,

такъ и по густотѣ разсола, требующей меньше труда и времени (въ тотемскомъ въ лучшее время не больше 6 лотовъ, въ леденгскомъ во всякое время 8 лотовъ). Къ тому же разсолъ не поднимается насосомъ, а бьетъ фонтаномъ прямо въ жолобъ. Количество его такъ велико, что, по недостатку варницъ, часто спускали разсолъ въ рѣку. Соляные колодцы на Леденгѣ имѣютъ глубины до 70 сажень, а таковыя же у Тотмы—95 сажень (дѣдичный) и 40 сажень (такъ-наз. „Новое усолье“). Соль преимущественно идетъ на мѣстное потребление и вывозится лишь въ незначительномъ количествѣ въ сосѣдніе уѣзды Костромской и въ ближайшія Новгородской губ. (Галицкій, Кологривскій и Чухломскій до 30 тыс. пуд., въ Бѣлозерскій и Кириловскій до 35 тыс. и до 2 тыс. въ уѣзды Пинежскій и Печорскій край Арханг. губ.). Въ послѣднемъ цѣна Вологодской соли доходитъ до 75 коп. и 1 р. за пудъ, въ Новгородской до 70 к., въ Вологодской отъ 48 до 55 к., а на мѣстѣ не превышаетъ 38 к. Добычу 1869 года составляли Тотемскій—134,440 п., Леденгскій 157,735 п. и Сереговскій 237,599 п. (всего 525,774 пуда).

Вологодская соль довела насъ до Пермской и поставила прямо на р. Камѣ, около которой сосредоточивается все соляное богатство этого края, уступающее размѣромъ выработки лишь только солямъ Крымскаго полуострова (11 милл. при 13¹/₂). Здѣсь въ любомъ изъ заводовъ (Усольскомъ, Ленвенскомъ, Дедюхинскомъ или Соликамскомъ) интересно остановиться для знакомства съ вываркой колодезной соли по особому способу—градировкѣ.

Въ селѣ Усольѣ зима. Кама спитъ подъ толстымъ ледянымъ слоемъ; во всѣхъ прибрежныхъ селеніяхъ та же дремота и сонъ, какъ во всѣхъ лѣсныхъ деревняхъ и селахъ. Сумрачно глядятъ и замолчавшія на зимнее время черныя задымленныя варницы, отличающіяся отъ прочихъ зданій своею оригинальною архитектурою, и тѣ высокіе амбары, которые замѣчательны особаго устройства крутыми лѣстницами во множество ступеней, доходящихъ до самой крыши зданій, въ вышину отъ 10 до 15 сажень. Только между варницами и амбарами с ящаго селенія проявляется нѣкоторая жизнь и движеніе. Длинными вереницами тянутся изъ варницъ къ амбарамъ бабы и дѣвушки съ мѣшками на спинахъ. Это—„солоноски“—особый классъ промышленницъ, вызванный на дѣло тѣмъ занятіемъ, которое дало имъ настоящее названіе. Онѣ ссыпаютъ внутрь амбара соль, нагруженную въ мѣшокъ другими работницами, наз. „нагребщицами“, которыя обыкновенно не выходятъ изъ варницы, будучи обязаны наполнять мѣшокъ каждой носильщицѣ изъ своей артели. Онѣ же рассчитываются и съ подрядчиками за трудъ, весьма не легкій, если сообразить то, что между работницами мы видимъ безсмѣнныхъ женщинъ и дѣвушекъ, едва вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста. Заработокъ дѣлится между участницами въ партіи съ тысячи пудовъ, такъ что самая усердная солоноска можетъ „выробить“ въ недѣлю отъ 2 до 5 руб. сер. Соль таскаютъ онѣ до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ амбара до самаго верха. Тогда амбаръ запирается и къ замку прикладываются печати владѣльца и печати казны. Количество соли опредѣляется приблизительно, и точная цифра ея выясняется уже при отпускѣ ея покупателямъ. Это бываетъ со вскрытіемъ Камы, когда опять выступаютъ на сцену „солоноски“, тѣ же красныя дѣвицы, ребята и даже старики, приходящіе сюда обыкновенно изъ окрестныхъ селеній. На улицахъ, по буднямъ, кипитъ работа; въ сумерки ежедневно и по праздникамъ весь день проявляется во всей беззаботности разгульное веселье, пѣсни и пляски. Солоноски—къ сожалѣнію—пользуются самою дурною нравственною репутаціею, и нельзя не попечалиться на то, что среди этой заразы встрѣчаются молоденькія дѣвушки и ребятки.

Разгулъ начинается съ заката солнца, когда кончаются работы, обыкновенно наряжаемыя съ 4—5 часовъ утра, и ведутся обязательно среди смѣшковъ и шутокъ и взаимныхъ заигрываній другъ съ другомъ. Въ это время солоносы и солоноски грузятъ соль на суда, которыя весною имѣютъ возможность останавливаться у самыхъ амбаровъ. Вѣшаютъ соль уже на палубахъ судовъ на вѣсахъ, установленныхъ подъ люками. Одна скалка вѣсовъ состоитъ изъ

кадки, вращающейся на горизонтальной оси такъ, чтобы можно было перевертывать кадку вверхъ дномъ для высыпанія соли въ трюмъ судна. Каждый разъ въ кадку насыщается 10 пудовъ. Неграмотный вахтеръ зарубаетъ на баркѣ число взвѣшанныхъ кадокъ.

По пословицѣ „у хлѣба не безъ крохъ“ и здѣсь падаютъ крохи порядочныя. Прежде, ради усыпки и утечки соли, позволялось дѣлать походець отъ 5 до 6 фунтовъ на каждую кадъ, но онъ сталъ со-временемъ увеличиваться и дошелъ до полпуда. Тогда запретили его вовсе и велѣли вѣсить „въ стрѣлку“. Единство интересовъ принимающаго и отпускающаго соль заставило выдумать новый обходъ,—и вахтера съ тѣхъ самыхъ поръ начали забывать записывать и зарубать нѣкоторыя кадки. Обидѣвшееся начальство ухитрилось выдумать такой механизмъ, который обозначалъ число перевертовъ кадки, отмѣчая даже и такой случай, когда кадка перекинется пустою. Тогда стали давать „на брагу“ солоноскомамъ, чтобы поживѣе бѣгали. Вслѣдствіе этого приказа, начинается торопливая работа и впопыхахъ, какъ бы по ошибкѣ, работники начинаютъ сыпать соль, мимо кадки, прямо въ люкъ. Ловкая солоноскока, какъ нарочно, запнется за палубу и картинно растянется передъ приставомъ, успѣвши рассыпать мѣшокъ опять-таки въ люкъ. Общій хохотъ вызываетъ улыбку и на лицѣ пристава, смѣкающаго о подвохѣ. При большомъ отпускѣ соли забываютъ въ суматохѣ, сколько вѣсовъ было въ дѣлѣ. Вообще караванная и судовая нагрузка соли составляетъ для всѣхъ веселое время, а для иныхъ пріятное и выгодное въ другихъ вещественныхъ отношеніяхъ. Изъ 11 миллионѣвъ пудовъ пермской соли только 300 тыс. пудовъ идетъ гужемъ въ Пермскую, Вятскую и Вологодскую губерніи, все остальное количество сплавляется по Камѣ.

Съ лѣта начинается работа на варницахъ или собственно на градирахъ. По ступенчатымъ террасамъ этихъ огромныхъ сооружений черезъ пучки прутьевъ летитъ сверху струями соляной тузлукъ, поднятый изъ колодцевъ; каждая капля испаряетъ извѣстное количество воды въ воздухъ и теряетъ ее по пути. Прошедшій черезъ прутья рассоль падаетъ въ большіе ящики уже въ болѣе сгущенномъ видѣ. Такая соль поступаетъ въ варку. На прутьяхъ и вязкахъ градира налипаютъ и много грязи и вмѣстѣ съ ней много соли, особенно на самыхъ нижнихъ. Довольно грязи достается еще и варничнымъ чрѣнамъ.

Главный складъ Пермской соли—Нижній-Новгородъ (до 5 милл.). Затѣмъ всего больше идетъ ее въ Вятскую (до 1½ милл.) и Пермскую губерніи до 600 тыс. пудовъ. Идетъ она въ Чистополь (Каз. губ.) и Усть-Сысольскъ (Волог. г.). Изъ Рыбинска и Нижняго эта соль идетъ до Смоленска, Новгорода и даже до Тамбова и Щигровъ (Курск. губ.), частью въ губ. Олонецкую и Финляндію, возрастая въ цѣнѣ съ 43—45 к. мѣстныхъ до 70 к. (Вятка, Москва), до 85 и болѣе (Смоленскъ) и до 1 руб. въ Калужской.

Изъ числа другихъ источниковъ нашей соли „ключевки“ извѣстны еще варницы близъ г. Балахны на Волгѣ (33 версты отъ Нижняго), столь же древнія, какъ первоначальныя передовыя поселенія и укрѣпленія (какъ Городецъ) первыхъ русскихъ выселенцевъ въ приволжскіе края. Здѣшній рассоль никогда не градирировался, а взятый изъ очень глубокихъ колодцевъ прямо выпаривался. Въ древности Балахна славилась своими солеварнями, но впоследствии, черезъ каждыя 10 или 12 лѣтъ, рассоль изсякалъ и добыча соли, поневолѣ, прекратилась на нѣсколько лѣтъ. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія выпаривали здѣсь мелкой бѣлой соли (изъ 2 тыс. ведеръ отъ 90—150 пуд.) въ теченіе каждаго года среднимъ счетомъ до 250 тысячъ пудовъ. Въ 1753 г. правительство принуждено было воспретить въ Балахнѣ солевареніе, вслѣдствіе огромнаго истребленія лѣса. Балахнинская соль теперь извѣстна больше въ Осташковскомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ Тверск. губ. и въ Бѣлозерскомъ Новг. г.; немного продается ее въ Москвѣ и Богородскѣ (отъ 72 до 75 к. за пудъ).

Въ Харьковской губерніи, въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ, Екатеринославской губ., въ Курскомъ и Валуйскомъ Воронежской губ., извѣстна своя соль „славянская“, получаемая изъ варницъ около г. Славянска (въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьк. губ.), въ количе-

ствѣ, не превышающемъ 250 тысячъ пудовъ ежегодной выработки. Земли казачьихъ войскъ Кубанскаго и Донскаго пользуются солью на собственныхъ войсковыхъ земляхъ, но казачья соль, по примѣру Уральской, изъ предѣловъ области не вывозится, а въ предѣлахъ своей земли продается безошлинно. Донская соль находится въ долину р. Маныча, а Кубанская добывается по побережью Азовскаго моря въ Бейсутскомъ и Ахтарскомъ заводахъ и на полуостровѣ Тамани. Первой добыто въ извѣстномъ намъ году 706,877, а второй до 103,946 п., хотя и немного, но за то дешево: казаки пользуются счастливою привилегіею потреблять соль дешевле всѣхъ обитателей Россіи. Донскую соль на озерахъ продаютъ по 11¹/₄—15 к., изъ соляныхъ магазиновъ по 25 к., такъ что она въ самыхъ отдаленныхъ станицахъ не подымается свыше 40 коп., а Кубанская соль обходится войсковою казнѣ, при одной лишь добычѣ,—отъ 5 до 10 коп. за пудъ. Впрочемъ, послѣдняя не удовлетворяетъ мѣстному потребленію и пополняется крымскою солью. Она, въ свою очередь, при войсковою привилегіи торговать въ предѣлахъ казачьей земли, безъ акциза, уже вытѣснила мѣстную соль во многихъ округахъ.

Казачья соль привела насъ снова въ ту степь, откуда мы вышли за поисками самосадочной и варничной. Сдѣлавъ такимъ образомъ естественный кругъ и подневольный обходъ, мы ознакомимся теперь съ добычей интересной каменной соли.

Буза—тотъ съѣдобный камень или каменная соль, который обогатилъ Галицію и прославилъ Величку, который находится въ такомъ почетѣ у скотоводовъ, привязывающихъ въ ясляхъ куски этого камня и къ нимъ на привязи овецъ, а стало быть и „козу на ту же бузу“.

Въ той самой степи, которая вся состоитъ изъ вторичныхъ или намывныхъ породъ съ морскими раковинами, имѣющей склонъ къ Каспійскому морю и несомнѣнно бывшей нѣкогда морскимъ дномъ вплоть до стариннаго своего берега (носящаго теперь названіе Общаго Сырта), въ одномъ мѣстѣ мы наталкиваемся на обнаженія каменной соли. Горы ея, залегающія на днѣ морей и въ нѣдрахъ земли, выпучились вверхъ на поверхность почвы и въ видѣ обнаженныхъ пластовъ обнаружены въ 85 верстахъ отъ Волги въ Енотаевскомъ уѣздѣ, Астраханской губерніи. Это „Чинчачинское мѣстороженіе бузы“ образуетъ холмистую возвышенность въ 72 фута высоты надъ степью, не выше тѣхъ степныхъ высотъ или холмовъ, которые намыты изъ песковъ съ ракушками и, какъ Нарынъ-Пески, тянутся рядами. Въ извѣстномъ намъ году (1869) наломано здѣсь бузы (при помощи пороха и безъ него) до 336,522 пудовъ, но вся она пошла лишь на рыболовныя заведенія самыхъ добывателей и едва покрыла ихъ расходы. Въ настоящемъ своемъ положеніи чинчачинская ломка при дороговизнѣ перевозкы до р. Ахтубы, при платѣ за тройную перегрузку, не можетъ считаться важною для Россіи. Она замѣчательна лишь по тому, что представляетъ собою рѣдкость, повторившуюся на пространствѣ русской территоріи еще только два раза: за Кавказомъ въ 50 верстахъ отъ города Эривани, при селеніи Кульгѣ, на правой сторонѣ рѣки Аракса, въ горѣ, имѣющей болѣе 8 верстъ въ окружности и въ „Соляномъ Городкѣ“, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Илецкой Защиты, въ 68 верстахъ отъ г. Оренбурга.

Здѣсь мы и остановимся, въ томъ углу юго-восточнаго края степи, гдѣ обнаженія каменной соли сумѣли доставить небольшому мѣстечку громкую европейскую извѣстность.

Илецкіе соляные пласты обнажились на рѣкѣ Илекѣ, связующей кочевую степь съ осѣдлымъ населеніемъ рѣки Урала, при слияніи съ которою рѣка Илекъ течетъ по ровной степи, изрѣдка испещренной гипсовыми холмами. Соляной „истокъ“ или вся масса горной соли или лучше сказать,—все мѣстороженіе ея простирается до двухъ верстъ въ длину и до 1¹/₂ версты въ ширину,—по извѣстнымъ до настоящаго времени изысканіямъ. Глубина соляной горы изслѣдована лишь на 36 сажень, но еще далеко не найдено конца соляной толщи. Объемъ залежи, по приблизительному расчету, доходитъ до 51 милліона кубическихъ сажень. Здѣшняя

буза отмѣнной бѣлизны и твердости, а по чистотѣ, прозрачности и по другимъ, присущимъ солямъ, качествамъ, она считается лучшею изъ всѣхъ сортовъ, добываемыхъ на громадныхъ пространствахъ Россіи. Здѣсь находятъ (особенно близъ поверхности) кубическія глыбы отъ 3 до 30 фунтовъ, которыя прозрачны и чисты, какъ хрусталь. Такую соль называютъ здѣсь „сердцемъ“, и простой народъ употребляетъ ее, какъ лѣкарство отъ глазной болѣзни. Въ пудѣ илецкой бузы содержится только $10\frac{1}{2}$ лотовъ постороннихъ примѣсей, такъ какъ соль находится подъ песчанымъ или глинянымъ наносомъ въ $1\frac{1}{2}$ или 2 аршина. Соль эту ломаютъ лѣтомъ, а зимою перевозятъ прежде къ пристанямъ рѣки Бѣлой, для сплава по Камѣ въ Волгу, въ сороковыхъ же годахъ настоящаго столѣтія нашли для нея болѣе близкій и выгодный путь черезъ городъ Самару. Выламываютъ каменку желѣзными орудіями въ видѣ правильныхъ кубовъ величиною въ аршинъ близъ Караульный горы, находящейся въ 40 саженьяхъ на юго-востокъ отъ крѣпостцы и почти въ 300 саженьяхъ отъ праваго высокаго берега рѣчки Солянки. Здѣсь ключи очень мало или вовсе не мѣшаютъ производству работъ.

Добываніе каменной соли издавна производилось здѣсь башкирами и мещеряками, которые пользовались ею безденежно. Русскіе люди обратили на нее вниманіе еще въ XVI вѣкѣ, когда и сооружена была здѣсь небольшая крѣпостца. Однако, добыча соли оставалась для туземцевъ свободною и безошлинною все время, пока, по указу сената 1754 года, въ Оренбургѣ и принадлежащихъ къ нему новыхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ, велѣно было учредить казенные соляные магазины. Продажу илецкой и эбелейской (степной киргизской озерной) соли велѣно производить по указной цѣнѣ (35 коп. пудъ). Тогда же основана была Илецкая крѣпостца исключительно для „защиты“ соляныхъ промысловъ. Въ земляномъ укрѣпленіи „Защиты“ находится въ настоящее время до 2 тысячъ жителей, потомковъ переселившихся сюда еще въ 1797 году уральскихъ выходцевъ. Въ селеніи этомъ находится соляное правленіе. Строителемъ крѣпостцы былъ первый откупщикъ соляныхъ промысловъ сотникъ оренбургскихъ казаковъ Алексѣй Углицкій. Онъ обязался заготовлять и поставлять соль въ Оренбургскій магазинъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, по 50 тыс. пудовъ, цѣною за пудъ по 6 коп. На свой коштъ онъ снабдилъ защиту батареями для пушекъ, выстроилъ мазанки для работы и казармы для гарнизона и провіантскій магазинъ. Гарнизонъ назначена была рота Алексѣевскаго пѣхотнаго полка, а на работы сначала приходили временные рабочіе челоуѣкъ до 200. Для нихъ построена была церковь и при ней находился священникъ. Впослѣдствіи работы стали производиться ссыльными людьми, отправлявшимися сюда на каторгу. Одинъ изъ нихъ въ началѣ Пугачевскаго бунта, Афанасій Хлопуша, бѣглый изъ сибирскихъ рудниковъ, содержавшійся въ Оренбургскомъ острогѣ за разбой и получившій обманомъ свободу, присоединился къ самозванцу и сдѣлался его приверженцемъ. Онъ возмутилъ башкиръ, присоединилъ къ шайкамъ Пугачева до 30 тысячъ разнаго народа, доставилъ пушки, мортиры, ядра, бомбы, и порохъ. Для этой цѣли онъ успѣлъ разорить множество заводовъ и въ томъ числѣ Илецкую крѣпость. Въ ней онъ подговорилъ до 400 ссыльныхъ и другихъ мятежниковъ, и, воспользовавшись отсутствіемъ Пугачева, вздумалъ овладѣть „Защитой“ и напалъ на нее. Казенное имущество было разграблено, офицеры перебиты, кромѣ одного, котораго пощадилъ Хлопуша, по просьбѣ рабочихъ. Пугачевъ, впрочемъ, остался дѣяніями своего полковника недоволенъ и укорялъ его за ущербъ государственной казнѣ. Въ мартѣ 1774 года Хлопуша былъ схваченъ, а въ маѣ ему отрублена въ Оренбургѣ голова и воткнута на шпиль среди висѣлицы.

Въ современныхъ, совершенно безопасныхъ и вполне обезпеченныхъ занятіяхъ по добычѣ соли, маленькая, удаленная Илецкая Защита не въ состояніи однако представить такихъ диковинокъ, какими прославилась Величка, издавна привлекая къ себѣ любознательныхъ путешественниковъ. На Илекѣ путешественники и фланеры, за дальностью разстоянія и неудобству сообщенія, не ѣздятъ; изрѣдка посѣщаютъ его ученые геологи, по примѣру перваго

посѣтителя академика Палласа. Ничего, кромѣ небольшихъ вещицъ, сдѣланныхъ изъ солянаго хрусталя, въ видѣ шандаловъ, вазъ, солонокъ и прочаго, здѣсь любознательнымъ людямъ не предлагаютъ. Нѣтъ здѣсь ни подземнаго величкинскаго храма, гдѣ все сдѣлано исключительно изъ одной соли; нѣтъ ни подземнаго озера, по которому можно кататься на лодкѣ, ни величественной лѣстницы, уводящей въ подземный хрустальный дворецъ, эффектно освѣщенный огнями. Здѣсь, на краю степной Россіи, въ киргизской пустынѣ, ничего этого нѣтъ, потому что, какъ мы сказали, и показывать соляныя диковинки и рѣдкости положительно некому. Идетъ одна черная хлопотливая работа, хотя все величкинскія затѣи можно было и здѣсь приспособить съ неменьшими удобствами и совершенствомъ.

Неподалеку отъ мѣста разработки соли разбросано нѣсколько мелкихъ соляныхъ озеръ, высыхающихъ (лѣтомъ) и не высыхающихъ, два грунтовыхъ и одно наливное (наз. прямо „тузлукомъ“). Последнее особенно замѣчательно по обширности (въ 50 саж. длины и 20 с. ширины) и по происхожденію отъ той воды, которую выкачиваютъ изъ ямы, гдѣ ломаютъ бузу. Озеро полумѣсяцемъ огибааетъ небольшое возвышеніе, вода чистая, прозрачная, вкусъ солоновато-горькій, глубина въ серединѣ не больше 2 аршинъ; твердые берега покрыты бѣлымъ, какъ лебяжій пухъ, и толстымъ слоемъ соли. Дно другихъ двухъ озеръ (грунтовыхъ) покрыто рыхлымъ, мягкимъ и слизистымъ иломъ или цѣлебною грязью, отдающею запахомъ сѣрководорода. Въ этой водѣ находятъ присутствіе іода, сѣрнокислой извести, селитры и углекислаго натра, а также слѣды желѣза.

Цѣлебная сила илецкихъ водъ и грязей признана и оцѣнена уже очень давно ревматиками, подагриками и золотушными, пріѣзжавшими сюда по ровной дорогѣ и открытой мѣстности, пестряющей картинами кочевой жизни киргизъ, движущихся караванами къ мѣновому двору въ Оренбургѣ. Больные пріѣзжали сюда не только за 65 верстъ изъ Оренбурга, но и изъ смежныхъ губерній. Купаньямъ благоприятствовалъ и здоровый степной климатъ и возможность пользоваться настоящимъ, неподдѣльнымъ кумысомъ. Купались также и киргизы, и татары, и купали даже своихъ больныхъ лошадей. Результаты лѣченія особенно рельефно выразились на слабосильной командѣ нижнихъ чиновъ, изъ числа которыхъ въ 8 лѣтъ выздоровѣло 95 на 100 (изъ 1,433 человекъ больныхъ 1,366 исцѣлились).

Такимъ образомъ илецкая буза вывела насъ за Уральскій хребетъ, въ Сибирь, но здѣсь взамѣнъ ея идетъ уже своя соль, каковая получается въ этой странѣ изъ тѣхъ же соляныхъ источниковъ и добывается тѣми же, извѣстными намъ способами. Въ Уссурійскомъ краѣ недавно разрѣшена выварка соли изъ рассола морской воды Восточнаго океана (за полнымъ безлюдьемъ береговъ океана Ледовитаго, „морянки“ тамъ не вывариваютъ). Продажу уссурійской морской соли разрѣшено производить безъ всякаго платежа акциза и попудныхъ денегъ. Такъ какъ способы пріобрѣтенія земель и устройства хозяйствъ производились въ Сибири по тѣмъ же завѣдомымъ образцамъ, какъ и въ сѣверной лѣсной Россіи, то и здѣсь промышленными людьми разысканы были ключи поваренной соли и при нихъ устроены солеваренные заводы. Отысканы были и оживлены человѣческимъ трудомъ самосадочныя озера, изъ которыхъ Коряковское, въ 20 верстахъ отъ р. Иртыша и въ 396 отъ г. Омска, издревле представляетъ соляныя богатства. Для всей Западной Сибири оно имѣетъ то же значеніе, какъ Илецкія соляныя копи для Оренбургскаго края. Обѣ соли встрѣчаются по ту сторону Уральскаго хребта, въ губерніи Пермской.

С. Максимовъ.

